

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ
Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО»

Кафедра русской и зарубежной литературы

**„Капитанская дочка” А.С. Пушкина
в переводах на турецкий язык конца XX – начала XXI века**

АВТОРЕФЕРАТ БАКАЛАВРСКОЙ РАБОТЫ
студента 4 курса 412 группы
направления подготовки 45.03.01 – Филология
Института филологии и журналистики

Алкана Фатиха

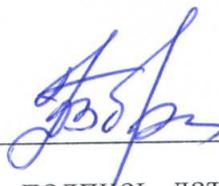
фамилия, имя, отчество

Научный руководитель
доцент, к.ф.н., доцент

 30.05.16
подпись, дата

Ю.Н. Борисов

Зав. кафедрой
зав. кафедрой, к.ф.н., доцент

 31.05.16
подпись, дата

Ю. Н. Борисов

Саратов 2016

ВВЕДЕНИЕ. Сочинения Александра Сергеевича Пушкина стали доступны турецкому читателю довольно поздно. Это было связано с трудностями культурного диалога между странами, находившимися в напряжённых политических отношениях. Первым переводом с русского языка на турецкий считается «Горе от ума» [«AkıldanBela», 1884] А. С. Грибоедова, переводчиком стал уроженец Дагестана, историк и мыслитель Мизанджи Мурат-Бей (настоящее имя Гаджи-Мурат Амиров)¹. За переводом комедии Грибоедова последовали переводы произведений А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого и И. С. Тургенева.

Пути проникновения пушкинского поэтического слова в литературное пространство Турции проследил доктор Ильяс Устюнйер в работе «От “Пиковой дамы” до “Тайного дневника” А.С. Пушкина: приключение переводов в Турции» (2005). Исследователь подчеркнул важную роль в этом процессе инициатив русского тюрколога, выпускницы факультета востоковедения Казанского университета Ольги Сергеевны Лебедевой (1854 – после 1909), выступавшей в турецкой печати под псевдонимом ГюльнарХаным. Именно благодаря усилиям Ольги Лебедевой и поддержавшего её крупного издателя и писателя Ахмеда Мидхата-эфенди (1844 - 1912) в 1890 году вышел перевод повести «Метель», а затем, в 1891, и монография Лебедевой «Поэт Пушкин: жизнь, творчество, произведения», которая включала краткое содержание «Евгения Онегина», «Полтавы», «Капитанской дочки», «Медного всадника», «Бориса Годунова». Перу выдающегося тюрколога принадлежат также переводы «Пиковой дамы» (под названием «Карточная

---

¹Üstünyer İ. «MaçaKızından «GizliGünce/Günlük»eA. S. Puşkin ÇevirilerininTürkiye «Serüveni» // V. Dil, yazınvedeyişbilimsempozyumu. İstanbul, 2005. С. 152.[Устюнйер И. «Приключение» переводов произведений А.С.Пушкина на турецкий язык: от «Пиковой дамы» до «Тайного дневника»]. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://turkoloji.cu.edu.tr/YENI%20TURK%20EDEBIYATI/ilyas_ustunyer_puskin_cevirileri.pdf

игра») и «Бахчисарайского фонтана» (переведено одновременно на турецкий и татарский языки).

Что же касается переводов «Капитанской дочки», то первый из них был выполнен выдающимся переводчиком Самизаде Сюрейя в конце 1920-х годов и опубликован в 1933². По словам профессора *Атаола Бехрамоглу*, выделяющего 1920 – 1960-е годы как плодотворный период становления переводческого искусства в Турции, в начале этого периода «выделяются переводы Самизаде Сюрейя из Пушкина, Тургенева и Чехова». Исследователь приводит важное признание переводчика в том, что «в Оттоманскую эпоху мы не имели достаточно здравомыслия для ознакомления с русской культурой», ведь «чем лучше мы знали бы соседнюю нацию, тем полезнее было бы для нас»³. После 1933 года выходили турецкие издания «Капитанской дочки» в переводах Sabahattin Alive Erol Güneş (1944), Nihal Yalaza Taluy (1960, 1966, 1973), Zeynel Akkoç (1969, 1971, 1975), H. Boysan (1973). Как видим, наибольшей интенсивности издательское и переводческое внимание к историческому повествованию Пушкина приходится на 1960-1970-е годы, что свидетельствует и о высоком запрашивающем интересе турецкой читающей публики.

Начало нового, Двадцать первого, века также свидетельствует о неугасающей притягательности пушкинского романа для читателей в Турции. Так, в сегодняшнем литературном пространстве моей страны конкурируют, по крайней мере, три перевода, о которых и пойдёт речь в дипломной работе.

---

² Михайлов М. С. Произведения А. С. Пушкина на турецком языке. М., 1951. С. 147-174.

³ Üstünyer İ. «Maça kızından «Gizli günce/günlük»e A.S. Puşkin çevirilerinin Türkiye «serüveni» // v. dil, yazın ve deyiş bilim sempozyumu, İstanbul, 2005. С. 152. Устюньер И. «приключение» переводов произведений А.С. Пушкина на турецкий язык; от «Пиковой дамы» до Тайного дневника». [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://turkoloji.cu.edu.tr/YENI%20TURK%20EDEBIYATI/ilyas_ustunyer_puskin_cevirileri.pdf

Первый из них выполнила филолог **Шефика Шюкрюоглу**, переселившаяся в Турцию из кавказского региона бывшего Советского Союза. Вышедший в мае **1998** года, её перевод «Капитанской дочери» в 2003 выдержал седьмое издание. **Гюнай Кызылырмак** опубликовал свой перевод пушкинского романа в феврале **2005** года, а уже в 2006 появился тираж этого текста с пометой «4-е издание». О Гюнае известно, что родился он в Анкаре, затем переехал в республику Адыгею, где учился в школе, потом на филологическом факультете Адыгейского университета по специальности «русский язык и литература». С 2006 года живёт в Анкаре. Наконец, новейший перевод «Капитанской дочери», принадлежащий перу непрофессионального литератора **Гюрая Чакмакчы**, тремя тиражами вышел в **2010**, 2011 и 2012 годах. Гюрай, судя по скудным сведениям, которые удалось раздобыть, инженер-строитель, живущий в Европе. Его перевод выполнен не с подлинника, а с английского текста, переведённого и изданного для иностранных читателей в СССР (впервые в 1974 году, издательство «Прогресс», затем переиздавалось издательством «Радуга»). Все три перевода дают вполне внятное представление о сюжете, системе персонажей и общей эмоциональной тональности пушкинского повествования.

Сопоставление трёх современных турецких переводов «Капитанской дочери» в предлагаемой работе, надеюсь, **поможет выявить** 1) особенности переводческих подходов к переложению пушкинского прозаического текста как художественного феномена на современный турецкий язык, 2) возникающие при этом сложности собственно лингвистического и ментально-культурного свойства, 3) предположительно определить адресацию каждого из рассмотренных переводов, нацеленность текста перевода на тот или иной тип современного турецкого читателя.

Невозможность охватить всё многообразие проблем, возникающих при рассмотрении столь сложного явления как совокупность переводов выдающегося литературного произведения, предполагает избирательность и конкретизацию материала, подлежащего анализу. Исходя из этого, мы обратимся к сопоставлению переводческих решений относительно такого важного и в то же время обозримого компонента пушкинского текста как эпиграфы (**вторая глава** работы), а также приведём сравнительные наблюдения над переводами существенных эпизодов главы «Вожатый» (**третья глава** работы). В **первой главе** мы рассматриваем суждения выдающихся исследователей творчества Пушкина, на которые опирались в процессе восприятия и осмысления идей и образов «Капитанской дочки» (труды Ю. Г. Оксмана, Ю. М. Лотмана, Г. П. Макогоненко).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ. В главе, посвящённой переводу эпиграфов «Капитанской дочки», отмечается, что в сопоставляемых переводах эпиграфический корпус воспроизведён с разной степенью полноты. Так, в двух переводах отсутствует «главный» эпиграф ко всему произведению – «Береги честь смолоду». Только у Гюная (2005) этот эпиграф присутствует с указанием на источник в народно-речевой культуре – «*Пословица*». Сохранена в турецком тексте назидательная интонация, но пословичный стилистический колорит не выдержан. Более эффективно мог бы сработать в этом контексте паремиологический аналог русской пословицы из турецкого речевого обихода, однако такового не оказалось. В обратном переводе эпиграф в версии Гюная звучит примерно так: «Начинай беречь честь, пока ещё молодой». Следует отметить, что отсутствие главного эпиграфа в переводе Шефики (1998) в какой-то мере компенсируется эпизодом отцовского поучения в самом повествовании с точной передачей смысла пословицы в речи Гринёва-старшего. В переводе Гюрая (2010) ключевая для всего

произведения формула чести отсутствует и в основном повествовании, что, несомненно, снижает достоинство работы переводчика и обедняет предлагаемую турецкому читателю версию пушкинского подлинника. Здесь оказался утерянным и второй эпиграф к главе 4 «Крепость»: «Старинные люди, мой батюшка. *Недоросль*».

Если в целом охарактеризовать подход к воссозданию эпиграфов каждым из трех сопоставляемых переводчиков, то можно сказать следующее. Шефика (1998) стремится к точности передачи смысла, а, по возможности, и стилистического своеобразия текста, воспроизводя средствами языка-реципиента отдельные семантико-интонационные элементы народной песни или комедийного диалога с использованием разговорной лексики, рифмованного стиха. Гюнай (2005) не менее последователен в стремлении к точной передаче смысла эпиграфа, однако, как правило, транспонирует стихотворные тексты в прозаическую форму, не очень-то заботясь о воссоздании художественной выразительности и жанрово-стилевого своеобразия оригинальных текстов. В воспроизведении речевых феноменов песенного или комедийно-сценического происхождения переводчик отдаёт предпочтение формам литературного языка, ориентированного на строгую нормативность (так называемый «стамбульский язык»). Наконец, третий переводчик (2010, Гюрай), стремясь, как и первые два, к логической согласованности смысла эпиграфов с основным повествовательным текстом, чаще допускает неточности, иногда, возможно, тенденциозные (например, солдаты в песне, предпосланной 3-ей главе, пьют не воду, как у Пушкина и в использованном им источнике, а, водку, видимо, в соответствии с распространёнными шаблонными представлениями о склонности русских к пьянству. Кстати, в спектакле «Капитанская дочка», поставленном Адольфом Шапиро на сцене Саратовского тюза, вода из солдатской песни тоже превратилась в водку). В целом, во всех трёх переводах эпиграфы

выполняют функцию приуготовления читателя к восприятию событий, описанных в соответствующих главах, однако в большей или меньшей мере лишены той стилистико-смысловой многозначности и текстообразующей энергии, которая есть в пушкинском подлиннике. Думается, полного соответствия и конгениальности создателей турецких версий великого творения Пушкина оригиналу неразумно было бы требовать.

В работе детально анализируются три переводческих варианта эпиграфа к первой главе романа. В отношении остальных эпиграфов ограничиваемся лишь минимальным комментарием и обратными переводами турецких вариантов, закладывая фундамент для дальнейшего аналитического рассмотрения (уже за пределами данной квалификационной работы). Этот весьма объёмный материал вынесен в **Приложение**.

В **заключительной, третьей, главе** изложены наблюдения над переводами ключевых эпизодов главы «Вожатый» – степного бурана и вещего сна Петруши Гринёва. Приведём в качестве примера разбор одного из фрагментов.

Перед переводчиком эпизода снежной бури в «Капитанской дочке» возникает задача, по возможности, адекватного воспроизведения тревожной атмосферы степного бурана и подготовить дальнейшее раскрытие символического значения образов природной стихии. Сложность заключается в том, что Пушкин дает достоверно точное, детализированное описание природного явления в его динамике и локальной конкретности, не выводя с помощью прямых сравнений на поверхность текста вторичных смыслов.

Фрагмент оригинала:

«Я приближался к месту моего назначения. Вокруг меня простирались печальные пустыни, пересеченные холмами и оврагами. Все

покрыто было снегом. Солнце садилось. Кибитка ехала по узкой дороге, или точнее по следу, проложенному крестьянскими санями. Вдруг ямщик стал посматривать в сторону и наконец, сняв шапку, оборотился ко мне и сказал:

– Барин, не прикажешь ли воротиться?

– Это зачем?»

Начнем с версии *ГюнаяКызылырмака*, потому что именно его перевод, на мой взгляд, наиболее точно воспроизводит все детали пушкинского тревожного пейзажа, даже отдельные выразительные словосочетания переводчик последовательно передает турецкими аналогами. При этом и синтаксическая структура, пунктуация оригинала находят последовательное отражение в тексте перевода (за исключением порядка слов, поскольку в турецком языке сказуемое, как правило, ставится в конце предложения).

Турецкий переводГюная: Atandığım bölgeye yaklaşıyordum. Çevremde, tepeler ve hendeklerle kesilen bomboş ve iç karartıcı bozkır uzanıyordu. Her şey kar altında kalmıştı. Güneş batıyordu. Kibitka, daracık yolda, daha doğrusu köylü kızaklarının bıraktıkları izler üzerinde ilerliyordu. Bir ara arabacı aniden çevresine bakındı: şapkasını çıkarıp bana döndü ve şöyle dedi:

‘Beyim, izniniz olursa geri dönelim.’

‘Neden, ne oldu ki?’

Обратный перевод: «Я приближался к месту моего назначения. Вокруг меня, пересеченная холмами и оврагами, **пустая (пустынная)** и **печальная** степь простиралась. Все покрыто было снегом. Солнце садилось. **Кибитка** по узкой дороге, вернее (точнее), по следу, проложенному крестьянскими санями, ехала. В некоторый момент ямщик вдруг вокруг себя посмотрел; сняв шапку, обратился ко мне и сказал:

– Барин, если разрешите, вернемся.

– Зачем, что случилось?»

Обратим внимание на следующие особенности перевода: 1) пушкинское именование пространства «печальные пустыни» передано аналитически двумя определениями – «пустая (пустынная)» и «печальная» – к слову «бозкыр», турецкому аналогу русского «степь»; 2) обозначение повозки «кибитка» калькировано с русского оригинала и воспринимается как экзотизм; 3) простонародно-разговорное обращение ямщика к барину передано литературно-этикетным оборотом.

У *Гюрая Чакмакчы* отметим следующие особенности: 1) самое заметное отличие от первой версии – обозначение повозки турецким термином, стилистически нейтральным и имеющим обобщающее значение: ‘телега=машина=транспортное средство’; 2) пушкинское разговорно-непринужденное «ямщик стал посматривать» заменено книжным «стал с вниманием смотреть»; при этом изменился характер действия: повторяющееся беглое превратилось в статичное и более основательное.

И, наконец, особенности переводческой версии *Шефики Шюкрюоглу*: 1) Шефика употребляет слово «степь» (в турецком это совпадающее с русским наименование используется как географический термин, то есть принадлежность научного стиля, и в этом качестве как будто не слишком подходит к пушкинскому художественному контексту, зато, подобно случаю с «кибиткой» у Гюная, неожиданно приобретает оттенок экзотизма как полное лексическое совпадение с русским оригиналом). Гюнай и Гюрай обозначают степь турецким эквивалентом «бозкыр», характерным для нейтрального стиля; 2) диссонирует стилистически с оригиналом и характеристика действия ямщика: вместо «вдруг стал посматривать в сторону» – «вдруг взволнованными глазами стал изучать окружающее»; слишком книжное выражение, переводческая ретушь, «приукрашивая», на самом деле разрушает исходный художественный строй текста; 3) переводческий

нажим, стремление объяснить читателю происходящее сказывается и в дополнении вопроса ямщика пояснительной фразой «будет лучше».

Накопленные аналитические наблюдения позволяют сформулировать и привести в **ЗАКЛЮЧЕНИИ** работы следующие выводы.

Рассмотренные нами переводы исторического повествования Пушкина, созданные и неоднократно изданные на рубеже XX и XXI веков, свидетельствуют о живом интересе современной турецкой аудитории к творчеству великого русского поэта.

Все три перевода внятно передают сюжетную динамику, систему персонажей, местный колорит и культурно-бытовую обстановку пушкинского романа, лаконичную повествовательную манеру авторского письма. Конкурируя в пространстве современной литературной культуры Турции, эти переводы взаимодополняют друг друга, дифференцируясь по своей функции и читательской адресованности.

Наиболее последователен в стремлении к содержательно-фактологической и стилистической точности своего перевода, верности оригиналу **ГюнайКызылырмак**. Полноте читательского представления о великом творении Пушкина способствует и то, что переводчик снабжает издание романа основательным предисловием, в котором прослеживает жизненный и творческий путь поэта, включает в книгу и перевод итогового стихотворения А. С. Пушкина «Я памятник себе воздвиг...». В отличие от своих коллег, Гюнай поддерживает национальный колорит романа сохранением (заимствованием) лексики оригинала («мужик», «кибитка»), снабжая незнакомые турецкому читателю речения подстрочными примечаниями. Единственный из современных переводчиков «Капитанской дочки», Гюнай включает в издание романа так называемую «пропущенную главу». Таким образом, работа этого мастера может быть охарактеризована как универсально значимая и равно

привлекательная как для широкого читателя, так и для тех, кто специально интересуется русской культурой, словесностью и творчеством Пушкина.

Специфика работы **Гюрая Чакмакчыво** многом определяется тем обстоятельством, что «Капитанскую дочку» он переводил не с оригинала, а с текста английского перевода. Естественно, требовать художественного, стилистического соответствия подлиннику от перевода, апеллирующего к языку-посреднику, неразумно. В тексте Гюрая тонкий, лаконичный до аскетизма слог Пушкина корректируется порой усилением экспрессии, несвойственным Пушкину сгущением изобразительных средств. Встречаются неточности в передаче деталей повествования (например, в сне Петруши Пугачёв машет топором не «во все стороны», а «на меня», при этом остаётся неясным, откуда же берётся вокруг нагромождение мёртвых тел), а порой и небезобидные замены, как в эпиграфе к главе «Крепость», где строка «Хлеб едим и воду пьём» украшается, возможно, в угоду стереотипным представлениям о русских, иным источником утоления жажды: «водку пьём». Однако в целом перевод Гюрая может быть признан вполне читабельным, адресованным любителям беллетристики.

Одним из достоинств корректного перевода **Шефики Шюкрюоглу** является более последовательное, чем у Гюрая, воспроизведение особенностей разговорной речи в словесном поведении героев романа (Гюнай чаще использует средства литературно-книжного, так называемого «стамбульского» языка), избегает переводчица усложнения лексико-синтаксического строя повествования, насыщает речь фразеологическими оборотами, нередко удачно соотносящимися с русскими устойчивыми словосочетаниями оригинала. Переводческая «ретушь» сказывается порой в использовании дополнительных по отношению к оригиналу деталей (предметных, жестовых), помогающих прояснению ситуации и большей наглядности словесного изображения.

Всё сказанное позволяет увидеть в работе Шефики признаки так называемого «объяснительного» перевода, что делает её версию пушкинского текста полезной и привлекательной, прежде всего, для учащихся, в том числе и для студентов, изучающих русский язык, словесность и культуру.

Дальнейшая систематизация сопоставительных наблюдений над текстами переводов «Капитанской дочки» поможет определить различия переводческих стратегий с выделением эффективных принципов и приемов передачи турецкому читателю художественно-смысловой полноты прозаических произведений Пушкина.